

УДК 97(47).082

DOI 10.18413/2075-4458-2018-45-4-697-704

**ПОБЕГИ ССЫЛЬНЫХ ИЗ СЕВЕРНЫХ ГУБЕРНИЙ
В КОНЦЕ 1870-х И НАЧАЛЕ 1880-х****ESCAPES OF EXILES FROM THE NORTHERN PROVINCES
IN THE LATE 1870S AND EARLY 1880S****Н.Р. Славнитский
N.R. Slavnitsky**Государственный музей истории Санкт-Петербурга,
Россия, 197046, Санкт-Петербург, Петропавловская крепость, 3State Museum of the History of St. Petersburg
3, Peter and Paul Fortress, St. Petersburg, 197046, Russia,

Email: slavnitski@bk.ru

Аннотация

В статье рассматриваются случаи побегов политических ссыльных из северных губерний и методы, при помощи которых местные власти и полиция пытались организовать их розыск. Первой причиной успешного побега во всех случаях являлась халатность или формальное отношение к своим обязанностям местных полицейских исправников. Второй – помощь товарищей или родственников поднадзорного. И то, и другое позволяло бежавшим отъехать на приличное расстояние от места надзора к тому моменту, когда их побег обнаруживали. Розыски в таких случаях организовывались через губернаторов, что добавляло бежавшим еще несколько дней «форы»: сначала сообщения исправника о побеге доходили до губернатора, затем тот связывался с губернаторами соседних областей, а те спускали указания своим подчиненным.

Abstract

In the 1870s, the northern regions were actively used by the government as the places of exile, where political opponents of the monarchy were located too. However, exiles were often able to escape from places of supervision. The article examines cases of escapes of political exiles from the northern provinces and ways in which the local authorities and the police tried to organize their search. The first reason for successful escape in all cases was negligence or the formal attitude of local police officers to their duties. As the second reason we consider the help of friends or relatives of suspect. Both allowed the escapees to move a good distance from the place of surveillance at the time when their escape was discovered. In such cases, the searches were organized through the governors, which added to the runaway for a few days odds before starting searches. Firstly the reports of the police chief about the escape reached the governor, then he contacted the governors of neighboring regions, and they lowered orders to their subordinate officials. The search mechanism, in fact, did not yet exist, and at that time it was only taking shape.

Ключевые слова: политическая ссылка, политические репрессии, Архангельская губерния, Вологодская губерния, кружок чайкоцев, П.Л. Лавров.

Key words: political exile, political repression, Arkhangelsk province, Vologda province, Chaikots circle, P.L. Lavrov.

Северные области в 1870-е годы активно использовались правительством в качестве мест ссылки, в том числе и политических противников монархии. Однако из мест надзора ссыльным часто удавалось бежать. И в данной работе мы рассмотрим это на основе документов министерства внутренних дел. Выявленные материалы позволяют выяснить, как местные власти организовывали розыск бежавших и с какими трудностями они сталкивались как при организации надзора, так и при розысках. Сразу оговоримся – это будет рассмотрено на при-

мере нескольких побегов (и полного перечня таких случаев приводить не будем), в связи с которыми возникала переписка между губернскими властями и министерством.

История политической ссылки в целом неоднократно рассматривалась в отечественной историографии. Большое внимание этому вопросу уделил Н.А. Троицкий [Троицкий, 1978], высылке в Вятскую область посвятил работу П.Н. Луппов [Луппов, 1933]. Из современных исследователей выделим работы С.Н. Токаревой [Токарева, 2009], Д.А. Калининой, которая изучает жизнь ссыльных в Вятской губернии [Калинина, 2001; Калинина, 2017], а также специалистов, изучающих политическую ссылку в северных губерниях, – Н.В. Калашникову [Калашникова, 2015], А.М. Пашкова [Пашков, 2014], Д.И. Ильчук [Ильчук, 2016]. Основное внимание упомянутых исследователей сосредоточено на правовых принципах административной высылки, а также на жизни поднадзорных.

О побегах ссыльных кратко упоминали те, кто занимался биографиями революционеров – П.Л. Лаврова [Витязев, 1915, с. 27; Михайлов, 1994, с. 151] и А.А. Франколи [Михайлов, 1963, с. 87–88; Кункль, 1930, с. 21–22; Морозов, 1907, с. 288]. Интерес, безусловно, представляют и исследования, посвященные побегам из Сибири [Троев, 2013].

Сведения о побегах есть также и в воспоминаниях, хотя в основном они тоже касаются побегов с этапов [Клинг, 1930, с. 178] и из сибирской ссылки [Дебагорий-Мокриевич, 1930; Дейч, 1906]. Выделим также записки Н.А. Иваницкого, находившегося в ссылке в Вологодской губернии одновременно с П.Л. Лавровым [Иваницкий, 1923] и тесно общавшегося с ним, а также работу М. Логачевой-Пилецкой [Логачева-Пилецкая, 1930], посвященную побегам из Архангельской губернии в более позднее время.

Как мемуаристы, так и биографы по понятным причинам основное внимание уделяли действиям революционеров при побеге, на действиях полиции останавливался лишь Б.Г. Михайлов [Михайлов, 1994, с. 152]. Мы же здесь остановимся главным образом на действиях властей.

Система административной политической ссылки, по справедливому мнению современных исследователей, преследовала цель с помощью государственного порицания в виде ограничений свободы и постоянного контроля вернуть оппозиционно настроенную часть общества в число благонадежных подданных. Высылка в специально определенные для того регионы с учреждением гласного надзора со стороны полиции создавала жизненные условия, заметно отличающиеся от привычного для среднестатистического человека бытового уклада» [Калинина, 2017, с. 84].

В конце 1860-х годов в Вологодскую губернию был выслан преподаватель Михайловской артиллерийской академии П.Л. Лавров, которого обвиняли в том, что он «обращал на себя внимание своею неблагонадежностью в политическом отношении», а при обыске у него обнаружили четыре стихотворения, «сочиненные самим Лавровым, под названием "Пророчество", "Русскому народу", "Новому царю"»¹. Два из них были написаны в 1852 и 1854 гг. и, по мнению судейских, «возбуждали неуважение к личным качествам в бозе почившего императора Николая I и к управлению его государством». Петр Лаврович пояснил, что написаны они были «под влиянием того общего неудовольствия и раздражения», доминировавшего, по его словам, в то время в обществе, при этом он не собирался разглашать их². На основании найденных у него бумаг был также сделан вывод о «сочувствии и близости к людям, известным правительству своим преступным направлением» (Чернышевский, Михайлов, Павлов) в проведении в печати «вредных идей», также обвинялся и в некоторых других, более мелких прегрешениях. Наиболее тяжелым обвинением было сочинение стихотворений, но по этому пункту он был освобожден от ответственности за давностью лет, за остальные проступки он должен был подвергнуться аресту на срок от 7 дней до 3 месяцев, но так как во время следствия П.Л. Лавров 8 месяцев находился в заключении в Санкт-Петербургской крепости, это было ему зачтено³.

¹ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 272. Л. 1.

² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 272. Л. 2.

³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 272. Л. 3–4.

В результате его было решено выслать в одну из «внутренних губерний», и таковой была назначена Вологодская – за «вредный образ мыслей»¹. Точнее, первоначально (11 января 1867 г.) его планировали отправить в Вятскую губернию², но его мама обратилась с прошением назначить ему местом ссылки «один из городов по Московской железной дороге, и, если возможно, Тверь», чтобы к нему могли приезжать его дети³, и в итоге по распоряжению министра внутренних дел П.А. Валуева Петра Лавровича определили в Вологодскую губернию⁴. С ним поехала и его мама (жена П.Л. Лаврова к тому времени скончалась, дети остались в столице).

В феврале 1870 г. он скрылся из Кадникова – с помощью Г.А. Лопатина (и своей дочери Марии, ставшей к тому времени женой М.Ф. Негрескула), приехавшего за ним в Кадников. Затем ему помогли братья зятя, и вскоре Петр Лаврович оказался в Париже.

Губернатор получил донесение о побеге 22 февраля и сразу разослал сообщения о необходимости розыска П.Л. Лаврова архангельскому губернатору, санкт-петербургскому и московскому обер-полицеймейстерам⁵. Но они оказались безуспешными.

В ходе дознания выяснилось, что к побегу ссыльный готовился заранее и бежал еще в середине февраля. Факт отъезда удавалось скрывать несколько дней стараниями его мамы, а также и служанки (крестьянки кадниковского уезда Марии Зимяковой). Сообщников полиции установить не удалось, выяснили лишь то, что незадолго до «происшествия» П.Л. Лаврова навещал «какой-то неизвестный молодой человек не из жителей Кадникова»⁶. В августе 1870 г. дело о побеге было официально прекращено⁷, и примерно в то же время поступили ответы начальников других губерний о том, что во вверенных им областях П.Л. Лаврова не обнаружили.

В связи с его побегом III отделение собственной его императорского величества канцелярии обратило внимание на слишком вольготную жизнь ссыльных в Вологодской губернии: «Неоднократно замечено было, что высланные в Вологодскую губернию под надзор полиции проживают там не совершенно согласно с полицейскими правилами, так, например, некоторые из них занимаются обучением детей грамоте и разным наукам без дозволения начальства. О каждом такого рода случае начальник Вологодского губернско-го жандармского управления сообщал губернатору, который со своей стороны давал предписания по этому предмету исправнику.

Несмотря, однако, на это, в последствии было обнаружено, что находящийся в городе Никольске под строгим полицейским надзором сенатский регистратор Аркадий Асафов обучает детей в некоторых домах чиновников, и обстоятельство это не могло не быть известным исправнику Образцову, высланный же в Кадников Иван Евстропов самовольно отлучался из города в уезд за 70 верст в деревню Кудрявцову, где занимался обучением крестьянских детей. Его отсутствие не было замечено полицией в течение 4 месяцев. Наконец, 15 истекшего февраля скрылся из Кадникова проживавший там под надзором отставной полковник Петр Лавров, в настоящее время находящийся уже за границей. Ныне обнаружено, что способ побега своего Лавров обдумал заранее.

Он говорил своим знакомым, что на масленице намерен усиленно заниматься, не станет выходить и принимать посетителей, проживавшая с ним мать и единственная прислуга кухарка знали о побеге и скрывали от приходившего к ним доктора, цирюльника и молочницы отсутствие Лаврова до тех пор, пока по расчету он был вне опасности, но и за сим они не указывали на лиц, способствовавших побегу. Лаврова в разговоре с фон Меркленом объяснила, что сын ее еще летом прошлого года ездил в Вологду, где, как по собранным сведениям оказалось, вел знакомство с чиновником канцелярии губернатора

¹ Там же. Л. 5.

² Там же. Л. 8, 10.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 41.

⁶ Там же. Л. 50–51.

⁷ Там же. Л. 80–84.

Кедровским, чрез нескромность которого Лавров, как нужно полагать, неоднократно получал относящиеся до него секретные сведения.

Побег Лаврова, по всей видимости, не состоялся, если бы исправник Старовский точно исполнил поручение, полученное им от губернатора еще 21 января сего года, предписание насчет более строгого наблюдения за состоящими под надзором полиции и проверки нахождения их по ночам в своих квартирах. Но предписание это не было исполнено Ставровским, который к тому же неоднократно отлучался из Кадникова, не передавая своей должности, как бы следовало, своему помощнику. Такое нерадение к службе имело ныне последствием побег Лаврова»¹.

Вологодский губернатор в ответ сообщил, что «число лиц, проживающих в Вологодской губернии под надзором полиции... достигает здесь до 700 человек. Они распределены по всем десяти уездам губернии на протяжении 900 верст. При таком огромном расстоянии и значительном числе сосланных губернское начальство имеет возможность следить за ними лишь через подведомственные ему полиции. В последнее время способствуют, впрочем, в этом жандармские чины наблюдательного состава, расположенные в разных пунктах губернии, но ответственность наблюдения остается на одних чинах полиции. Так как некоторые из числа сосланных переведены сюда из других губерний по совершенной необузданности их нрава, другие же высланные считают свое положение навсегда безвыходным, то как губернское начальство, так и полицейское управление в присмотре за ними встречают большие затруднения, о чем я имел честь неоднократно выражать в моих представлениях министерству между прочим от 26 апреля и 15 мая 1867 г.»². Действительно, ссыльные были расселены на огромной территории, и сил для полноценного надзора просто не хватало (отметим, что речь шла не только о политических, но и об уголовных ссыльных). При этом он сообщил о том, что никольский и кадниковский исправники были им отстранены от занимаемых должностей (хотя считались лучшими)³.

В 1878 г. в Архангельскую губернию был доставлен А.Н. Петерсон – один из первых рабочих, оказавшихся в ссылке на севере. Он являлся кронштадтским мещанином, родился в семье унтер-офицера, учился в школе Ижорского завода (Колпино), а после окончания стал работать в инструментальной мастерской Патронного завода (Санкт-Петербург). Там в 1871 г. примкнул к народническому движению – в форме рабочих кружков, вел пропаганду среди рабочих. Со временем вошел в кружок, созданный С.С. Синегубом, а в марте 1874 г. был арестован вместе с другими участниками кружка и привлечен к делу «о преступной пропаганде в империи» [Тютчев, 1925, с. 85].

Сначала Алексей Николаевич содержался в Литовском замке, а с 2 мая 1875 г. по 14 октября 1876 г. находился в заключении в тюрьме Трубецкого бастиона Петропавловской крепости⁴. Затем был переведен в Дом предварительного заключения и вскоре освобожден с обязательством явиться в суд во время процесса (однако на заседания суда не явился). После этого он решил уехать в Калугу (в то время был подчинен гласному надзору полиции без ограничения места жительства), где вошел в состав землевольческой организации, созданной М.А. Натансоном, получившей позже название «Общество друзей», а в конце 1877 г. вместе с С.Н. Халтуриным и Д. Смирновым организовал «Северный рабочий союз». Однако вскоре – в начале февраля 1878 г. – снова был задержан и привлечен к дознанию по делу «Общества друзей». По словам одного из участников, давшего откровенные показания, А.Н. Петерсон был «действенным членом преступного сообщества», кроме того, у него имелись запрещенные книги, которые он собирался раздать рабочим Патронного завода. К «процессу 193-х», который в то время уже завершался, его решили не привлекать, и по предложению министра юстиции он был выслан «в одну из отдаленных губерний под надзор полиции» в администра-

¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 272. Л. 46–47.

² Там же. Л. 54–55.

³ Там же. Л. 56.

⁴ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 1140. Л. 41.

тивном порядке¹. Так Алексей Николаевич оказался в Архангельской губернии и поселился в Пинеге. Но он задержался там ненадолго и вскоре бежал вместе с дворянином П. Щербиной².

Петр Щербина был привлечен к дознанию «по обвинению некоторых лиц в устройстве в Саратове преступного сообщества с целью революционной пропаганды». И в июле 1878 г. его выслали в Архангельскую губернию под надзор полиции, «с воспрещением всяких отлучек из места водворения»³.

Скрылись они 22 марта 1879 г., после чего по всем губерниям были разсланы циркуляры с указанием примет беглецов:

«Петра Щербины – 30 лет, росту высокого, волосы на голове, усах и бороде темно-русые, брови тонкие темно-русые, глаза карие, нос прямой, с горбом по середине, лицо круглое, полное, белое, носит очки.

Алексея Петерсона – лет 27, росту высокого, волосы темные, глаза голубые, лицо смуглое»⁴.

В первую очередь розысками занялась полиция Вологодской губернии, и 3 мая 1879 г. вологодский губернатор сообщил, что 29 марта (то есть спустя неделю после побега – Н.С.) он получил телеграмму архангельского губернатора, где сообщалось, что беглецы направляются через Сольвычегодск, Устюг на Вологду.

Поисками занялся Яренский уездный исправник, получивший сообщение о побеге лишь 6 апреля. В этом сообщении уже имелись более конкретные сведения, что направились вверх по реке Пинеге через Мезенский уезд, в Вологодскую губернию, в Яренский или Сольвычегодский уезд. И действительно, им было обнаружено, что «около 27 марта проезжали из Мезенского уезда через Важгортскую область какие-то двое людей, схожих по приметам с бежавшими из Пинеги ссыльными. Они сказывались купцами, едущими в Вятку за покупкою хлеба, и на нанятых в деревне Лоптюге паре лошадей отправились прямым волоком по направлению на город Яренск»⁵.

Дальше выяснилось, что 28 марта А.Н. Петерсон и П. Щербина прибыли в деревню Чирви и «наняв там новых лошадей, проехали ночью через Яренск, не останавливаясь, до деревни Софроновской, а оттуда на новых из этой деревни лошадях отправились в 3-м часу ночи по прямому тракту на Устьсысольск». Затем полиции удалось проследить путь беглецов до Устьсысольска (куда те прибыли 30 марта), а оттуда они уехали по тракту в сторону города Вятки⁶.

Подводя итоги розыска, вологодский губернатор сетовал, что «Несвоевременное, путем почты полученное извещение о побеге означенных политических ссыльных дало им возможность к свободному проезду, не возбудив подозрений, так как этим путем часто проезжает разный торговый люд. Если бы вслед за побегом ссыльных из Пинеги их преследовали бы местные урядники и через них своевременно извещен был соседний урядник Яремского уезда, смежного с Мезенским уездом, то, без сомнения, бежавшие были бы захвачены при проезде через Яремский или Устьсысольский уезды»⁷. То есть основная проблема заключалась в слабом взаимодействии между полицейскими из разных уездов. Так как предположили, что ссыльные направились в Вятку, вологодский губернатор сообщил об этом вятскому, нижегородскому, костромскому и казанскому губернаторам, однако успехом поиски не увенчались – беглецы, как выяснилось позже, изменили направление движения.

В начале 1880 г. из Сольвычегодска (Вологодская губерния) скрылось сразу несколько человек – А.А. Франжоли, Л.В. Завадская, И.В. Калюжный и Н.С. Смирницкая.

Первый из них привлекался к суду по «процессу 193-х» и 23 января 1878 г. Особым присутствием Сената был признан виновным «во вступлении в противозаконное сообщество с целью ниспровержения в более или менее отдаленном будущем правительства и

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 398. Л. 96, 113.

² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 438. Л. 131.

³ Там же. Л. 85.

⁴ Там же. Л. 88.

⁵ Там же. Л. 100–101.

⁶ Там же. Л. 101 об. – 102.

⁷ Там же. Л. 102.

государственного устройства в Империи» и приговорен к лишению всех прав и высылке в Тобольскую губернию. Правда, при этом Сенат, приняв во внимание «длительное нахождение в одиночном заключении во время предварительного ареста», ходатайствовал перед императором о том, чтобы вменить это в наказание и ограничиться этим. Против этого выступил министр юстиции К.И. Пален, посчитавший, что А.А. Франжоли «не может быть признан заслуживающим снисхождения»¹.

Андрей Афанасьевич тем временем уехал к родителям в Херсон, где находился под негласным надзором полиции. Там он вскоре познакомился с А.И. Желябовым и продолжил пропагандистскую деятельность, но снова был арестован и сослан в Сольвычегодск – на сей раз без суда, по распоряжению министра внутренних дел, поддержанному министром юстиции².

Евгения Флориановна Завадская родилась в 1852 г. в Воронеже и училась в Воронежской гимназии (она была дочерью штабс-капитана и помещика Валуйского уезда Воронежской губернии). В начале 1870-х гг. она тоже оказалась в Санкт-Петербурге и окунулась в студенческое движение, но в то время их пути с Андреем Афанасьевичем не пересеклись, а в 1872 г. она уехала учиться в Цюрих. Что интересно – после возвращения из-за границы Е.Ф. Завадская тоже работала сельским учителем (в Курской губернии) и занималась пропагандой среди крестьян, в связи с чем в 1874 г. была арестована и привлечена к дознанию по делу «о преступной пропаганде в империи». Правда, в заключении (в Воронеже) она пробыла недолго, пока шло следствие, переселилась в Санкт-Петербург, где окончила акушерские курсы, а после суда, состоявшегося в январе 1878, была передана на поруки.

Она отправилась в Воронеж, где остановилась у бывшей надзирательницы воронежской тюрьмы (ставшей к тому времени единомышленницей народников). По словам товарищей, в Воронеже она пользовалась общей любовью культурной среды [Попов, 1907, с. 25]. Но осенью того же года по распоряжению министра внутренних дел ее решили выслать в Сольвычегодск «в административном порядке».

Из донесений вологодского губернатора известно, что Андрей Афанасьевич вел обширную переписку с другими ссыльными, а также с сельскими учителями, а общаться старался «с мастеровым народом с целью привить им антиправительственные коммунистические убеждения»³. В документах министерства внутренних дел сохранились сведения о том, что в мае 1879 г. А.А. Франжоли подавал ходатайство о высылке его за границу, однако шеф корпуса жандармов 12 июня сообщил министру, что оно «не подлежит удовлетворению»⁴.

В феврале 1880 г. вологодский губернатор обратился в министерство внутренних дел с предложением о высылке А.А. Франжоли в Сибирь. По его словам, поднадзорный «во время пребывания в здешней губернии не только не проявил намерения отказаться от своих заблуждений... и прервать свои сношения с кружком проникнутых противоположительными идеями лиц, но, напротив, своим образом жизни и перепиской постоянно обнаруживал упорную решимость следовать прежнему направлению...»⁵. То есть переписка Андрея Афанасьевича с товарищами не осталась незамеченной, и на этом основании губернатор решил удалить его из вверенной ему области.

5 марта к министру внутренних дел поступила записка из III отделения, в которой сообщалось, что руководство отделения не возражает против высылки в Сибирь А.А. Франжоли «в виду вредного влияния его на политических ссыльных»⁶. Однако Андрей Афанасьевич не стал дожидаться этого и 16 марта 1880 г. бежал из Сольвычегодска. Вместе с ним бежали также Е.Ф. Завадская, Смирницкая и И.В. Калюжный⁷.

Побег, надо сказать, получился весьма дерзким. Незадолго до него они все переехали из разных квартир в собственный дом уездного полицейского исправника, который

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 396. Л. 228–240.

² Там же. Д. 398. Л. 185–187.

³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 509. Л. 81 об.

⁴ Там же. Л. 107.

⁵ Там же. Л. 81.

⁶ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 509. Л. 89.

⁷ Там же. Л. 111.

в связи с этим стал лично наблюдать за ними. Точнее, наблюдал он лишь формально, в реальности же лишь изредка появлялся дома, при этом не только не требовал от них ежедневной явки в полицию, где они должны были отмечаться, но и запрещал другим полицейским служителям приходить в дом для проверки. Поэтому у поднадзорных было время на то, чтобы спокойно собраться, и их отсутствие было замечено лишь через неделю после того, как они покинули Сольвычегодск¹.

Помог им и А.С. Белевский, живший с ними в том же доме и решивший остаться. Тем, кто приходил в те дни, он говорил, что товарищи находятся в городе. В связи с этим исправник Кульчицкий был отстранен от должности, а Алексея Станиславовича вологодский губернатор предложил удалить в Сибирь «за укрывательство побега сотоварищей»², но министр внутренних дел решил перевести Белевского в Мезень (Архангельская область). Правда, в ноябре 1881 г. ему предписали переехать в Томскую губернию.

Таким образом, первой причиной успешного побега во всех случаях являлась халатность или просто формальное отношение к своим обязанностям местных полицейских исправников. Второй – помощь товарищей или родственников поднадзорного. И то, и другое позволяло бежавшим ссыльным отъехать на приличное расстояние от места надзора к тому моменту, когда их побег обнаруживали. Что касается розысков, то они, как видно из сохранившихся документов, организовывались через губернаторов, что добавляло бежавшим еще несколько дней «форы» – пока сообщения исправника о побеге доходили до губернатора, затем тот связывался с губернаторами соседних областей, а те спускали указания своим подчиненным. Как такового механизма розыска, по сути дела, еще не существовало, и в то время он только складывался.

Это же подтверждается и тем, как организовывали розыск при побегах сибирские власти – там наблюдается схожая картина [Троев, 2013, с. 173–174], только с тем отличием, что из Сибири (особенно из восточной части) было значительно труднее выбраться, поэтому побег оттуда был очень трудным делом. Северные губернии, в отличие от сибирских, были в то время лучше связаны с центральной частью страны, поэтому бежавшие ссыльные добирались благополучно до центров революционного движения (или скрывались за границей).

Следует также признать, что контроль за поднадзорными в целом был слабым. «Компетентные органы», к слову, обратили внимание на частоту побегов из этих областей, и в начале 1880 г. министр юстиции выступал против высылки политических в северо-восточные губернии, отмечая легкость побегов и «затруднительность учреждения там вполне действенного, строгого надзора над подобными лицами»³. Однако отказаться от такой практики правительство не могло.

Список литературы

References

1. Витязев П. 1915. Ссылка П.Л. Лаврова в Вологодской губернии и его занятия антропологией Вологда, Тип. П.А. Цветова, 29.
Vityazev P. Ssylka P.L. Lavrova v Vologodskoj gubernii i ego zanyatiya antropologiej Vologda, Tip. P.A. Cvetova, 29. (in Russian)
2. Дебагорий-Мокриевич В.К. 1930. От бунтарства к терроризму. Кн. 2. М., Молодая гвардия, 342.
Debagorij-Mokrievich V.K. 1930. Ot buntarstva k terrorizmu. Kn. 2. M., Molodaya gvardiya, 342. (in Russian)
3. Дейч Л.Г. 1906. Шестнадцать лет в Сибири. СПб., Издание П. Глаголева, 346.
Dejch L.G. 1906. SHestnadcat' let v Sibiri. SPb., Izdanie P. Glagoleva, 346. (in Russian)
4. Иваницкий Н. А. 1923. Записки Николая Александровича Иваницкого. Предисл. Я. Кузьмин и И. Перфильев. Север. 2: 11–48; 3–4: 29–68.
Ivanickij N. A. Zapiski Nikolaya Aleksandrovicha Ivanickogo. Predisl. YA. Kuz'min i I. Perfill'ev, Sever. 2: 11–48; 3–4: 29–68. (in Russian)

¹ Там же. Л. 111–112.

² Там же. Л. 113.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 402. Л. 115–116.

5. Ильчук Д.И. 2016. Политическая ссылка на север России как этап формирования пенитенциарной системы. Вестник МИУ. 5–6: 65–69.
- Il'chuk D.I. 2016. Politicheskaya sсыlka na sever Rossii kak ehtap formirovaniya penitenciarnoj sistemy. Vestnik MIU. 5–6: 65–69. (in Russian)
6. Калашникова Н.В. 2015. Практика политической ссылки на Европейском Севере в XIX – начале XX веков. Европейский Север в судьбе России. Вологда: 115–121.
- Kalashnikova N. V. 2005. Praktika politicheskoy sсыlki na Evropejskom Severe v XIX – nachale XX vekov. Evropejskij Sever v sud'be Rossii. Vologda: 115–121. (in Russian)
7. Калинина Д.А. 2011. Феномен политической ссылки в оценках российских ученых и политических деятелей. Вестник Вятского государственного университета. 3–1: 42–47.
- Kalinina D.A. 2011. Fenomen politicheskoy sсыlki v ocenkah rossijskih uchenyh i politicheskikh deyatelej. Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 3–1: 42–47. (in Russian)
8. Калинина Д.А. 2017. Особенности взаимоотношений политических ссыльных и государственной власти в конце XIX – начале XX в. (на материалах Вятской губернии) // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. 2: 83–90.
- Kalinina D.A. 2017. Osobennosti vzaimootnoshenij politicheskix sсыl'ny'x i gosudarstvennoj vlasti v konce XIX – nachale XX v. (na materialax Vyatskoj gubernii). Istoriya. Istoriki. Istochniki: e'lektronny'j nauchny'j zhurnal. 2: 83–90. (in Russian)
9. Клинг Г.П. 1930. По тюрьмам и этапам. Каторга и ссылка. 8–9: 176–183.
- Kling G.P. 1930. Po tyur'mam i ehtapam. Katorga i sсыlka. 8–9: 176–183. (in Russian)
10. Кункль А.А. 1930. А. А. Франжоли. М., Каторга и ссылка, 24.
- Kunki' A.A. 1930. A.A. Franzholi. M., Katorga i sсыlka, 24. (in Russian)
10. Логачева-Пилецкая М. 1930. Архангельская ссылка и побег в 1900-х года. Каторга и ссылка. 7: 126–137.
- Logacheva-Pileckaya M. 1930. Arhangel'skaya sсыlka i pobegi v 1900-h godah. Katorga i sсыlka. 7: 126–137. (in Russian)
11. Луппов П.Н. 1933. Политическая ссылка в Вятский край. М., Издательство Всесоюзного общества политкаторжан, 208.
- Lupov P.N. 1933. Politicheskaya sсыlka v Vyatskij kraj. M., Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan, 208. (in Russian)
12. Михайлов Б.Г. 1963. Андрей Афанасьевич Франжоли в Вологодской ссылке (1878–1880). Государственный архив Вологодской области: сборник статей и документов. Вологда, Вып. 2: 84–90.
- Mihajlov B.G. 1963. Andrej Afanas'evich Franzholi v Vologodskoj sсыlke (1878–1880). Gosudarstvennyj arhiv Vologodskoj oblasti: sbornik statej i dokumentov. Vologda, Vyp. 2: 84–90. (in Russian)
13. Михайлов Б.Г. 1994. Демократическое движение в Вологде во второй половине XIX века. Вологда. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: 144–159.
- Mihajlov B.G. 1994. Demokraticeskoe dvizhenie v Vologde vo vtoroj polovine XIX veka. Vologda. Istoriko-kraevedcheskij al'manah. Vyp. 1. Vologda: 144–159. (in Russian)
14. Морозов Н.В. 1907. Андрей Франжоли. Былое. 3: 283–289.
- Morozov N.V. 1907. Andrej Franzholi. Byloe. 3: 283–289. (in Russian)
15. Пашков А.М. 2014. Политическая ссылка в Олонецкую губернию в годы правления Александра II (1855–1881 гг.). Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 17: 233–249.
- Pashkov A.M. 2014. Politicheskaya sсыlka v Oloneckuyu guberniyu v gody pravleniya Aleksandra II (1855–1881 gg.). Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. 17: 233–249. (in Russian)
16. Попов М.Р. 1907. Из моего революционного прошлого. Былое. 7: 255–256.
- Popov M.R. 1907. Iz moego revolyucionnogo proshlogo. By'loe. 7: 255–256. (in Russian)
17. Токарева С.Н. 2009. Полицейский надзор в Российской империи. Вопросы истории. 6: 94–104.
- Tokareva S.N. 2009. Policejskij nadzor v Rossijskoj imperii. Voprosy istorii. 6: 94–104. (in Russian)
18. Троев П.С. 2013. Побег ссыльных народников из Якутии в последней четверти XIX в. Гуманитарные науки в Сибири. 4: 71–75.
- Troev P.S. 2013. Pobeg sсыl'nyh narodnikov iz YAkutii v poslednej chetverti XIX v. Gumanitarnye nauki v Sibiri. 4: 71–75. (in Russian)
19. Троицкий Н.А. 1978. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М., Мысль, 323.
- Troickij N.A. 1978. Bezumstvo hrabryh. Russkie revolyucionery i karatel'naya politika carizma 1866–1882 gg. M., Mysl', 323. (in Russian)
20. Тютчев Н.С. 1925. В ссылке и другие воспоминания. Ч. II. М., Каторга и ссылка, 207.
- Tyutchev N.S. V sсыl'ke i drugie vospominaniya. Ch. II. M., Katorga i sсыlka, 207. (in Russian)